

УДК 911.37

МИГРАЦИОННАЯ ПОДВИЖНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ И ОТХОДНИЧЕСТВО В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ¹

© 2015 г. Т.Г. Нефёдова

Институт географии РАН, Москва, Россия; trene12@yandex.ru

Поступила в редакцию 06.10.2014 г.

В статье анализируются различные миграционные потоки населения: переезд на постоянное место жительства и временные трудовые миграции российского населения, а также иностранных рабочих. Выявлен повышенный уровень корреляции интенсивности трудовой миграции российского населения и переселений на постоянное место жительства, их направленность в центральные районы России и крупнейшие города, а также расхождение с траекториями миграций иностранных рабочих. Это позволило при анализе региональной трудовой миграции населения опираться на разнообразные статистические источники и одновременно использовать косвенные методы исследования социально-экономического состояния и миграционной привлекательности городов разного размера в макрорегионах России с 1991 по 2011 г. Кроме того привлекаются и результаты социологических обследований в ключевых сельских районах. Отходничество как проявление трудовых миграций с недельным, месячным и более длительным ритмом рассматривается в качестве одного из основных способов обеспечения в современных институциональных условиях необходимого уровня жизни за пределами агломераций. Этот процесс имеет не только социальные последствия для самого населения, но и усиливает поляризацию российского пространства, блокирует развитие периферийных районов, малых и средних городов. Статья сопровождается картами, графиками и таблицами.

Ключевые слова: возвратные трудовые миграции, миграционный баланс, отходники, иностранная рабочая сила, миграции на постоянное место жительства, урбанизация, социально-экономическое состояние городов.

За последние 20 лет резкие изменения институциональных условий и перемены на рынке труда привели к сильной поляризации состояния городов разного размера и сельской местности [9, 15, 16, 18]. При концентрации населения в крупных городах и сжатии периферии изучение межрегиональных, межрайонных и межгородских перемещений населения становится особенно актуальным.

Интенсивность перемещения населения на постоянное место жительства в России при сравнительно невысоких доходах и неразвитом рынке жилья ниже, чем во многих других странах, и особенно в США². При сильных регио-

нальных различиях в уровне заработной платы это приводит к усилению рецессии в депрессивных регионах [3]. Специальные программы переселения с целью постоянной работы, в том числе в сельскую местность, практически не работают, хотя и предполагают гарантию занятости, оплату проезда, получение жилья [5]. Выходом стала все расширяющаяся возвратная трудовая миграция, или отходничество. Люди по собственной инициативе временно покидают свои дома и семьи с недельной, месячной, полугодовой периодичностью ради заработков в крупных центрах и агломерациях. Однако исследования этого феномена единичны³ из-за отсутствия какой-либо официальной информации о нем, сложности изучения и даже определенной стыдливости.

¹ Работа выполнена в рамках проекта РНФ № 14-18-00083 “География возвратной мобильности населения в сельско-городском континууме”.

² В середине 2000-х гг. интенсивность межрегиональной миграции в США составляла 26 перемещений на 1000 чел. населения, Великобритании, Японии, Швеции – 20, Австралии – 17, Германии – 13–14, Канаде – 9. В России соответствующий показатель внутренней межрегиональной миграции составлял 5.7 на 1000 чел. [12].

³ Например, П.П. Великий написал об отходниках Поволжья [1], Ю.М. Плюснин, Я.Д. Заусаева, Н.Н. Жидкевич и А.А. Позаненко провели огромную работу по обобщению интервью с пятьюстами человек в основном в Нечерномье [21].

Цель данной статьи – сопоставление процессов переезда на постоянное место жительства и возвратной трудовой миграции в регионах и городах России для понимания масштабов, географии и закономерностей подвижности населения.

Использовались доступные статистические источники Федеральной службы государственной статистики, данные паспортов городов за 1970–2011 гг. (Вычислительный центр Росстата), ежегодные данные Мультистата за 1991–2011 гг., данные обследований населения по проблемам занятости. Автор полностью отдает себе отчет в недостатках статистики. По оценкам, доля неучтенной миграции на постоянное место жительства между регионами России составляет около 30% [7]. Численность нелегально занятых иностранцев в несколько раз превышает число тех, кто получил разрешение на работу. А оценки численности трудовых мигрантов колеблются от 2–3 млн чел. [3, 26] до 15–20 млн [21]. Первые оценки сильно занижены, что показывает опыт сравнения официальных данных и результатов исследования отдельных регионов. Но и вторые маловероятны, так как это почти все трудоспособное население малых городов, поселков городского типа и сельской местности России. Тем не менее, кроме официальной статистики, пусть и несовершенной, другого источника для сравнительных исследований регионов России не существует.

Отходничество в современной России. Феномен отходничества с недельным, месячным, и даже полугодовым ритмом не нов для России. Отход крестьян на заработки, особенно зимний, был весьма распространен и в начале XX в. По данным А.А. Рыбникова [25], в 1906–1910 гг. отхожие промыслы в Московской губернии и соседних с ней уездах практиковала пятая часть крестьян, в других губерниях Нечерноземья – от 10 до 20%. Тогда это можно было определить по количеству выданных краткосрочных паспортов. В первой половине XX в. крестьяне вновь оказались “крепостными” в колхозах. Поэтому, как только стали выдавать паспорта, они стремились уехать из деревни совсем. В постсоветские годы экономические барьеры проникновения в крупные города увеличились. Вместе с тем количество рабочих мест в сельской местности и в малых городах резко уменьшилось, оплата труда стала в разы ниже, чем в крупных центрах. Это стимулировало возвратную мобильность населения на сотни километров с целью временной работы не в месте постоянной регистрации. *Распространение отходничества совсем запутало понимание того, сколько же населения реально живет в разных населенных пунктах.*

Трудовые миграции российских граждан можно условно разделить на две основные группы: маятниковые миграции и отход. Первые связаны с ежедневными поездками к месту работы и характерны преимущественно для агломерационных зон крупных городов. Отход предполагает отсутствие дома в течение некоторого времени, что влияет на отношения в семье и имеет много других социальных последствий [21]. Вместе с тем периодическое относительно длительное пребывание дома, примерно равное времени на работе, дает возможность не только вести продуктивное домашнее хозяйство, но и иметь дополнительные временные подработки. Это формирует особый тип личности отходников. Они попадают в “ловушку свободного времени”, становясь наполовину фрилансерами, и им уже трудно вернуться к ежедневному наемному труду.

Сам отход весьма разнообразен по длительности – с двухнедельным, месячным, полугодовым ритмом. Длительный отход на несколько месяцев является наследником советских нефтяных вахт, которые практикуются и поныне. Существуют и переходные формы, например, работа в течение суток с тремя выходными, в рабочие дни недели с выходными дома и т. п. Обычно такой полутход-полумаятник характерен для окраин агломераций и для областей, примыкающих к Московской. Кроме того, такие формы отхода практикуются и в глубинке с плохим состоянием дорог и отсутствием регулярного транспорта.

Многолетние обследования сельской периферии нечерноземных регионов показали, что от пятой части до половины зарегистрированного там трудоспособного населения не работает на месте или не работает вообще. Одни учатся или постоянно работают в городах, другие периодически уезжают в отход, третьи впали в состояние застойной безработицы [16, 22]. Трудовая активность населения во многом зависит от удаленности от крупного центра и степени депопуляции населения (длительного отрицательного социального отбора, при котором еще в советские годы молодое и активное население из поколения в поколение уезжало в города). Например, по данным администрации одного из поселений на периферии Костромской области (560 км от Москвы), до 1/3 трудоспособного мужского населения, находящегося на военном учете, по месту регистрации (то есть в деревнях поселения) постоянно не проживает. Из них около 5% – отходники, работающие в Москве по несколько месяцев либо в режиме 20 дней работы/20 дома (дальний отход). Еще 7–8% работают в ближайшем малом городе в рабочие дни с приездом на выходные в деревню

(ближний отход), а 20% постоянно живут в Москве, Костроме, Шарье и других городах, лишь изредка приезжая домой. В то же время для городов и районов, расположенных ближе к Костроме и Москве, характерен более массовый отход [21].

Между Москвой и Санкт-Петербургом в Тверской и Новгородской областях от 10 до 30% экономически активного населения ездят работать в столичные регионы, как правило, с двухнедельным или месячным ритмом, особенно из городов и районов, расположенных на авто- или железнодорожной магистралях [23].

И даже южные районы России, которые до революции были местом притяжения отходников на сельскохозяйственные работы, стали отдавать свое трудоспособное население на временные работы в другие субъекты РФ. Например, в относительно успешных сельскохозяйственных районах на западе и в центре Ставропольского края с сокращением трудоемкого молочного животноводства и модернизацией производства количество занятых на агропредприятиях резко сократилось [16]. При отсутствии других мест приложения труда из-за неразвитости малого и среднего бизнеса в сфере услуг и местной переработки сырья незанятость населения в крупных селах и его отход в другие регионы стали массовым явлением. При этом около 40% отходников направляются из Ставропольского края в Москву и Московскую область. Другими местами наибольшего трудового притяжения южан в 2013 г. служили Ростов-на-Дону, Краснодарский край и тюменские округа.

В последние годы Федеральная служба государственной статистики стала давать оценки потоков трудовых мигрантов между регионами России, включая ежедневные маятниковые поездки, на основе ежегодных обследований населения по проблемам занятости (ОМПЗ). В 2012–2013 гг. они составляли 2.3 млн человек⁴ [20, 26]. Средняя доля отходников из других регионов в общем числе занятых, по данным обследований, составляет в России всего 3.3%. Как показал опыт наших исследований в отдельных регионах и других специалистов, проводящих опросы временных трудовых мигрантов, данные ОМПЗ существенно занижены. Тем не менее, для сравнительного анализа разных регионов иной информации нет. В плотно населенных районах она более адекватна. Например, в Москве общее число приезжающих в столицу трудовых мигрантов достигает, по данным ОМПЗ, более 1.1 млн чел., что составляет

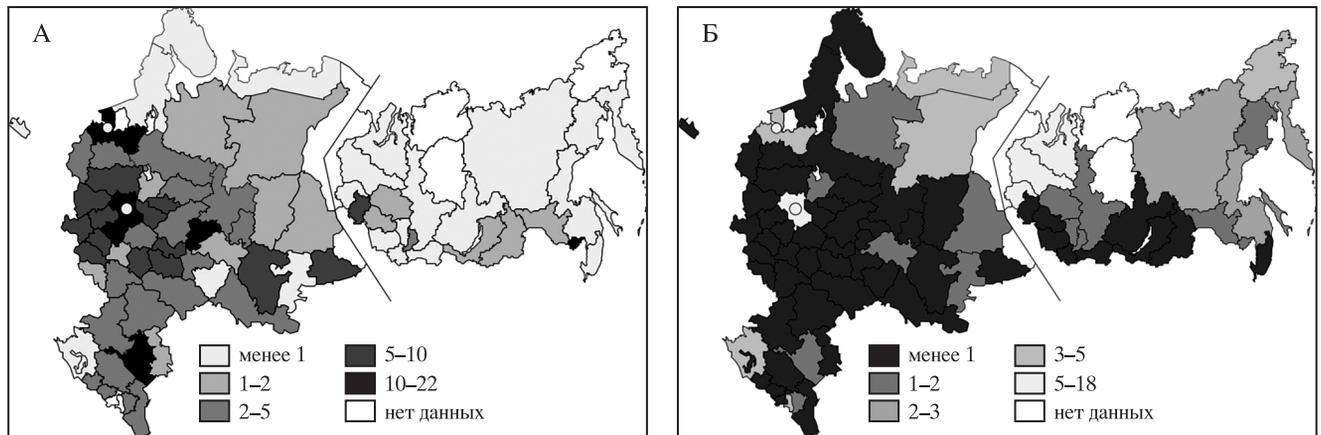
18% общего числа занятых в столице. Правда, почти половина их (470 тысяч) – из Московской области. Само Подмосковье привлекает, по официальным данным, 183 тыс. трудовых мигрантов, что не компенсирует его потери в столице. К ним в Подмосковье добавляется 150 тыс. иностранных рабочих, получивших разрешение на работу в России⁵, и около 100 тыс. приезжающих на постоянное место жительства (правда трудоспособных из них около половины). Все эти накладывающиеся друг на друга потоки перемещающегося населения вокруг столицы с разными временными интервалами требуют постоянного мониторинга. Однако его нет, поэтому приходится опираться на официальные данные, выборочные наблюдения и оценки специалистов.

Тем не менее, несмотря на недостатки официальной информации, ее анализ, представленный на картах, позволяет понять относительное распределение въезжающих и выезжающих отходников в разных регионах России. Кроме того полезно сопоставить пространственные вариации отходничества с привлекательностью регионов для иностранных граждан, приезжающих на работу, и для населения, переезжающего на постоянное место жительства. Важность такого рода сопоставлений показывает простой пример. В Белгородской области как одной из привлекательных в миграционном отношении областей России в 2012 г. показатель нетто-миграции на постоянное место жительства составил 8.6 тыс. человек, в 2013 г. – 6.6 тыс. [27, 28]. Из них лишь немногим более половины – трудоспособное население. При этом в 2012 г., по заниженным данным, 8.4 тыс., в 2013 г. 12 тыс. трудоспособного населения уехало работать в другие регионы. Так что, несмотря на кажущееся благополучие миграционного баланса, область теряет трудовые ресурсы.

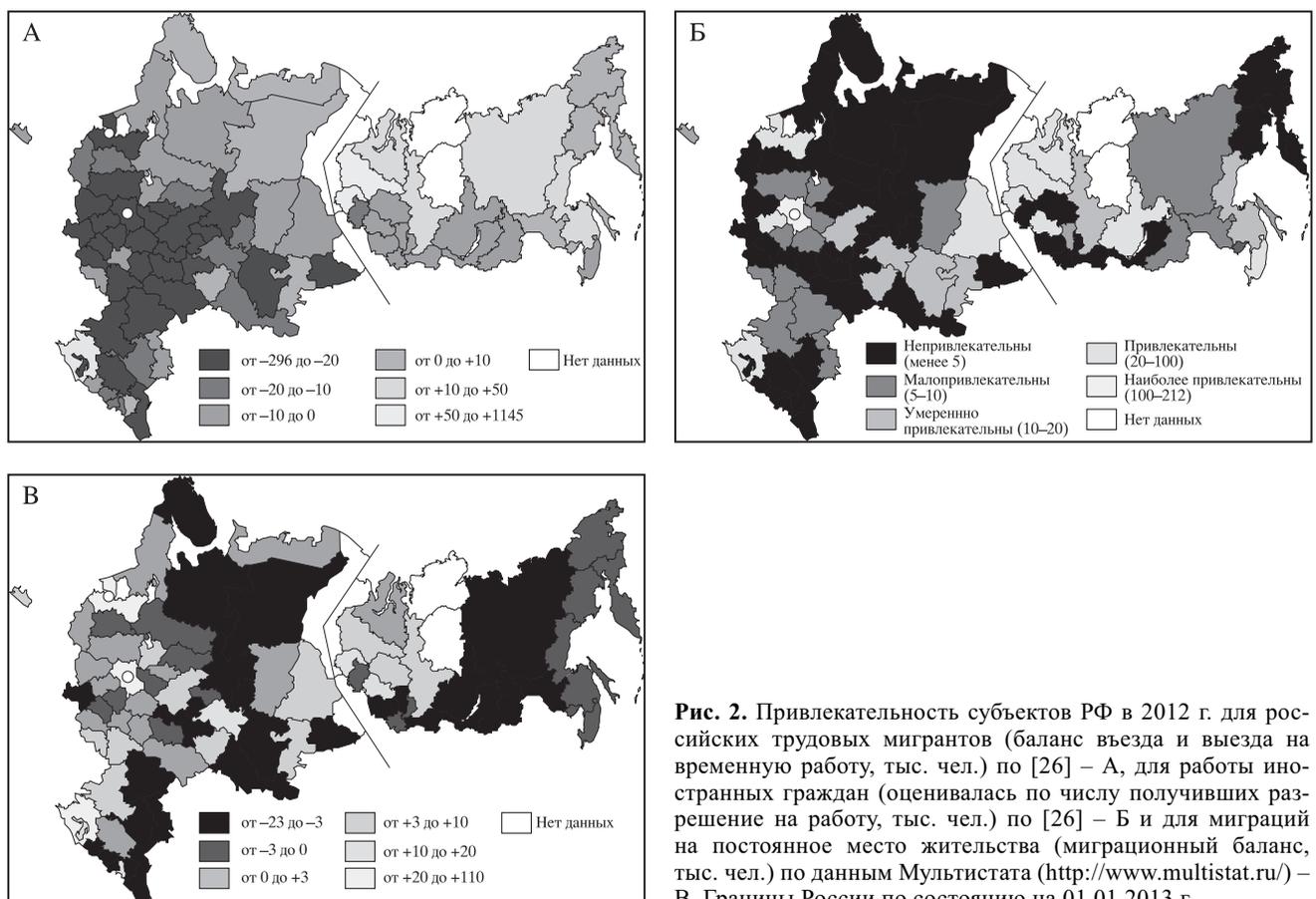
Наибольший отток трудовых ресурсов испытывают пригородные Московская и Ленинградская области, отдающие своих работников Москве и Санкт-Петербургу (рис. 1А). Велики потоки трудовых мигрантов и из соседних с ними регионов, которые в отличие от пригородов столиц не получают компенсацию из других регионов (рис. 1Б; 2А). При этом зона сбора трудовых мигрантов столичными регионами в последние

⁴ Ежеквартально в РФ опрашивается 69 тыс. человек, что составляет 0.25% населения в год.

⁵ Численность иностранных граждан, официально получивших разрешение на трудоустройство в РФ, составляла в 2012 г. 1.1 млн человек [26]. Однако этот показатель тоже сильно занижен. По разным оценкам, с учетом нелегалов доля иностранных граждан в численности всех занятых в стране составляет от 3 до 9% (до 6–7 млн человек) [5, 6], т.е. в 3–6 раз больше.

Рис. 1. Отношение числа выезжающих работать в другие субъекты РФ к численности занятых в своем регионе (А) и въезжающих работать в субъект РФ к численности занятых в данном регионе (Б) в 2012 г., % по [26]. Границы России по состоянию на 01.01.2013 г.

Рис. 2. Привлекательность субъектов РФ в 2012 г. для российских трудовых мигрантов (баланс въезда и выезда на временную работу, тыс. чел.) по [26] – А, для работы иностранных граждан (оценивалась по числу получивших разрешение на работу, тыс. чел.) по [26] – Б и для миграций на постоянное место жительства (миграционный баланс, тыс. чел.) по данным Мультистата (<http://www.multistat.ru/>) – В. Границы России по состоянию на 01.01.2013 г.

годы заметно расширилась. Перечни регионов предпочтения отходников и иностранных рабочих несколько различаются. Если российские трудовые мигранты едут в Москву, Санкт-Петербург, нефтяные районы и Краснодарский край, то зона притяжения иностранных работников гораздо шире. Помимо упомянутых субъектов, это также поволжские, уральские и сибирские

регионы (рис. 2Б). Даже при сильно заниженных показателях отходничества и числа иностранных рабочих, видно, что их потоки значительно больше, чем приток населения в регион на постоянное место жительства (рис. 2В).

Десять субъектов РФ концентрировали в 2012–2013 гг. 87% всего въезда российских трудовых мигрантов из региона в регион (табл. 1), в т.ч.

Таблица 1. Десять регионов-лидеров по притоку трудовых мигрантов, их привлекательность для иностранных работников и миграций на постоянное место жительства (ПМЖ) в 2012 г. по [24, 26, 27]

Субъект РФ	Число приехавших на заработки из других субъектов РФ, тыс. чел.	Отношение приехавших на заработки из других субъектов РФ к общему числу занятых, %	Баланс въезда и выезда трудовых мигрантов, тыс. чел.	Число иностранных граждан, получивших разрешение на работу в регионе, тыс. чел.	Баланс миграций на ПМЖ, тыс. чел.	
					в города	в сельскую местность
Москва	1153.8	17.6	1144.9	211.1	99.5	6.3
Московская обл.	183.3	6.2	-294.7	149.3	98.4	11.2
Санкт-Петербург	180.4	7.1	170.2	148.5	74.1	-
Тюменская обл.	126.9	6.5	125.7	77.1	19.9	-3.1
Ханты-Мансийский АО	96.6	10.6	96.4	41.7	7.2	-2.2
Краснодарский край	83.8	3.6	61.0	54.4	36.3	10.0
Ямало-Ненецкий АО	46.3	12.4	45.9	21.6	0.4	-1.6
Ленинградская обл.	28	3.7	-107.4	34.7	14.6	12.6
Свердловская обл.	22.1	1.1	-4.8	26.6	9.8	-3.0
Республика Татарстан	21.6	1.2	-13.1	18.4	10.8	-1.0
Итого по 10 регионам	1942.8			783.4	370.8	29.3
Доля в РФ, %	87			65	80	

Таблица 2. Десять регионов-лидеров по оттоку трудовых мигрантов, их привлекательность/непривлекательность для иностранных работников и миграций на постоянное место жительства (ПМЖ) в 2012 г. по [24, 26, 27]

Субъект РФ	Численность выехавших на заработки в другие субъекты РФ, тыс. чел.	Отношение выехавших на заработки в другие субъекты РФ к общему числу занятых, %	Баланс въезда и выезда трудовых мигрантов, тыс. чел.	Численность иностранных граждан, получивших разрешение на работу в регионе, тыс. чел.	Баланс миграций на ПМЖ, тыс. чел.	
					в города	в сельскую местность
Московская обл.	478.0	16.3	-294.7	149.3	98.4	11.2
Республика Башкортостан	136.2	7.6	-130.5	11.4	0.5	-9.4
Ленинградская обл.	135.4	18.1	-107.4	34.7	14.6	12.6
Тульская обл.	91.5	11.9	-89.4	14.4	-2.8	2.5
Чувашская Республика	74.1	13.0	-70.1	0.9	1.1	-5.5
Владимирская обл.	61.3	8.8	-56.3	9.7	-2.2	-0.7
Омская обл.	52.8	5.6	-51.8	1.6	1.1	-4.2
Пензенская обл.	48.1	7.2	-47	3.0	-0.4	-1.8
Ростовская обл.	46.7	2.4	-36.4	8.3	10.8	-7.2
Ивановская обл.	46.5	9.4	-43.9	1.8	1.1	0.0
Итого по 10 регионам	1170.6			237.1	122.1	-2.5
Доля в РФ, %	52			20	27	

Москва – 51%, Московская область 8%. Эти же десять субъектов привлекли 65% иностранной рабочей силы, а их города – 80% всех мигрантов на постоянное место жительства. Сельская местность была и остается непривлекательной как для миграций на постоянное место жительства, так и для отходников. Проведенные опросы показали,

что к переезду в сельскую местность для работы даже по специальным программам готовы лишь 6–7% безработных [5].

Наибольший выезд населения в отход, кроме Московской и Ленинградской областей, характерен для Башкортостана (табл. 2), однако здесь отход направлен в нефтяные округа Сибири (68%)

и на нефтяные промыслы Коми и Татарстана, а в крупные центры (Москву, Екатеринбург) направляются лишь по 5% отходников. Отход в большинстве других регионов Европейской России все же ориентирован на столицу. Тульская и Владимирская области обеспечивают 16% всех отходников в Москве и Московской области, Ивановская и Тверская – еще 9%. Заметный вклад вносят Брянская и Смоленская области, Республика Чувашия, Пензенская, Тамбовская области.

Существует устойчивое представление, что основной отход в Москву и Московскую область идет из нечерноземных областей в связи с упадком их сельского хозяйства и множеством малых депрессивных городов. Примыкающие к столичному региону области дают, действительно, 32% всех отходников, работающих в Москве и Московской области. Однако все остальные регионы Нечерноземья, человеческий капитал в которых сильно истощен, – всего 12%. Зато еще 31% приезжает из Поволжья, особенно из его республик (14%) и с юга России (23%)⁶.

Попытаемся рассмотреть выталкивающие и притягивающие факторы отходничества и других видов миграций населения. Для их анализа использовались различные показатели по субъектам РФ. Прежде всего, напрашивается сопоставление с безработицей населения. В 2012 г. статистики насчитывали в стране около 8 млн или (около 10%) незанятого экономически активного населения. Максимальное число было на Северном Кавказе (почти 30%), в Центральном и Северо-Западном федеральных округах – 11–12%, восточнее – около 8%. Численность безработных, рассчитанная по методике МОТ, достигала 4.2 млн чел. (в предыдущие годы доходило до 6.3 млн), их средний возраст – 35 лет [26]. Коэффициент корреляции доли незанятых в экономически активном населении и отношения числа выезжающих из региона трудовых мигрантов к занятым в нем, тем не менее, не очень высок (0.29). Более важным выталкивающим фактором ($K = -0.33$) служат низкие зарплаты или доходы населения. Опыт исследования пространства между Москвой и Санкт-Петербургом показал, что даже официальные зарплаты в бюджетной сфере в малых городах и сельской местности межстоличья в 2–4 раза ниже, чем в Подмоскovie и в Москве, что привело к сильному дефициту кадров на местах и их массовому отходу [19] Именно доходы (зарплата)⁷ оказались наиболее

важным фактором для всех миграций в города⁸, особенно отходников.

В меньшей степени притягивают или отталкивают отходников состояние промышленности и сельского хозяйства (табл. 3), в отличие от иностранных работников, для которых относительно развитая промышленность более важна. И хотя между въездом отходников в регион и промышленным производством на душу населения есть положительная связь, для баланса въезда и выезда этот показатель совсем не значим, что говорит о сильном промывном режиме в таких регионах. Регионы с повышенными объемами агропродукции на душу населения, наоборот, демонстрируют наибольший отъезд в отход, что отчасти объясняется перенаселенностью сельского юга и резким сокращением рабочих мест при изменении специализации и модернизации сельскохозяйственного производства [16]

Наиболее значимые коэффициенты корреляции всех миграций фиксируются с показателем розничного товарооборота на душу населения, что подтверждает тот факт, что почти все мигранты, а отходники особенно, стремятся в крупнейшие города, прежде всего в Москву, в столицы своих регионов или крупнейшие центры с развитой сферой услуг. В целом поток отходников направляется в регионы-доноры даже в большей степени, чем приток мигрантов на постоянное место жительства и иностранной рабочей силы (хотя сильно заниженные показатели численности последних не позволяют утверждать это однозначно).

Расчеты показали, что для отходников привлекательны те же регионы и города, что и для основного потока мигрантов, приезжающих на постоянное место жительства, прежде всего, крупные города, Москва и Подмоскovie. Коэффициент корреляции баланса въезда/выезда российских трудовых мигрантов и нетто-миграции городского населения составляет 0.51. Значительная часть отходников как раз и составляет потенциал мигрантов на постоянное место жительства, хотя опросы в разных регионах пока-

⁸ В данной работе доходы не сравнивались с прожиточным минимумом в регионах, поскольку отходники тратят деньги не там, где зарабатывают, а дома. Более того, часто предъявляются повышенные требования к доходам, особенно при переезде. Опросы безработных показывают, что люди готовы ехать работать в другой регион или город при условии, что средняя зарплата в 4 раза превышает их прошлую зарплату [5] Именно поэтому наиболее привлекательными стали Москва и Подмоскovie, где удовлетворяются подобные запросы.

⁶ Рассчитано по данным [20].

⁷ В разрезе регионов эти два показателя имеют коэффициент корреляции 0.93.

Таблица 3. Коэффициенты корреляции разных видов миграций с социально-экономическими показателями субъектов РФ на душу населения в 2012 г. по [24, 26]

Показатель	Доходы населения	Объем продукции		Оборот розничной торговли	Инвестиции	Ввод жилья	Прибыль/убыток организаций
		промышленной	сельскохозяйственной				
Отношение числа выезжающих из субъекта трудовых мигрантов к числу занятых в нем	-0.33	-0.22	0.23	-0.21	-0.21	0.11	-0.17
Отношение числа въезжающих в субъект трудовых мигрантов из РФ к числу занятых в нем	0.63	0.37	-0.25	0.59	0.44	0.25	0.78
Баланс выезда и въезда трудовых мигрантов	0.39	0.08	-0.19	0.52	0.07	-0.12	0.34
Отношение числа иностранных рабочих, въезжающих в субъект РФ к числу занятых в нем	0.60	0.46	-0.27	0.48	0.55	0.27	0.27
Баланс миграций на ПМЖ в городах	0.32	0.02	0.1	0.55	0.03	0.37	0.25
Баланс миграций на ПМЖ в сельской местности	0.19	0.08	0.01	0.21	0.09	0.24	0.05

зали, что 50–55% безработных не хотят менять своего места жительства ни при каких условиях [4, 5]. И все же, несмотря на определенную недостоверность количественных данных, отражающих масштабы миграций, очевидны некоторые общие векторы перемещений населения. Это подтверждают и другие исследователи [12]. Поскольку наиболее полная информация имеется о переездах населения на постоянное место жительства, спускаясь на следующий масштабный уровень – городской, рассмотрим предпочтения мигрантов, предполагая, что потоки отходников в города могут следовать теми же путями.

Экономические параметры миграционной привлекательности городов. Привлекательность городов, как и регионов, во многом связана с их экономическим состоянием, в т.ч. возможностью заработать и потратить деньги, перспективами профессионального роста, социальным обслуживанием и проведением досуга, бытовыми и прочими условиями жизни и т.п. Все эти показатели сильно зависят от местоположения, размера и статуса города [9, 13, 18]. Регулярный мониторинг городов позволяет отслеживать ди-

намику их состояния в разные периоды⁹. Коэффициент корреляции миграционного прироста (убыли) населения на 1000 жителей с показателем оборота розничной торговли и общественного питания на душу населения (отнесенным к прожиточному минимуму) постепенно увеличивался и в 2010 г. достиг значения 0.60. Таким образом, и на уровне городов подтверждается, что наиболее привлекательными в последние годы стали крупные центры с развитой сферой услуг и активным оборотом индивидуальных денежных средств. Еще в 2003 г. столь тесной связи между уровнем развития торговли и плат-

⁹ Из банка данных “Паспорта городов” на 1996, 2000, 2003, 2007 и 2010 гг. использовались следующие показатели: 1) инвестиции на душу населения; 2) доля убыточных предприятий и организаций; 3) доля не занятых в экономике в общей численности экономически активного населения; 4) средняя зарплата работников, отнесенная к прожиточному минимуму (за исключением данных о доходах населения в городах); 5) розничный товарооборот, общественное питание и платные услуги на душу населения; 6) ввод жилья на душу населения; 7) обеспеченность жилого фонда канализацией. Ряды по каждому показателю ранжировались сначала отдельно, затем рассчитывались средние значения по всем показателям для данного города.

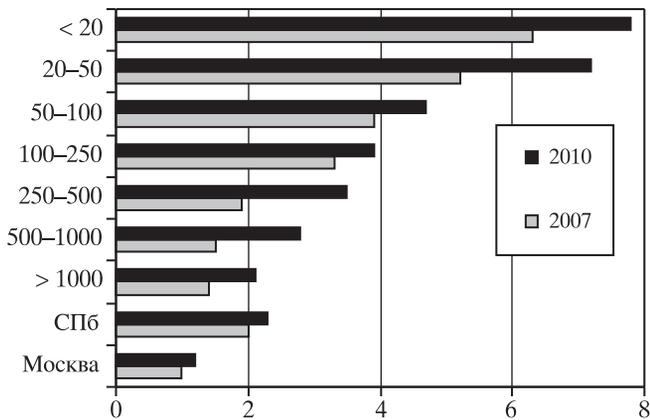

Рис. 3. Доля незанятого населения в численности экономически активного (имеющем или ищущем работу) в городах с разной численностью населения в 2007 и 2010 гг., %

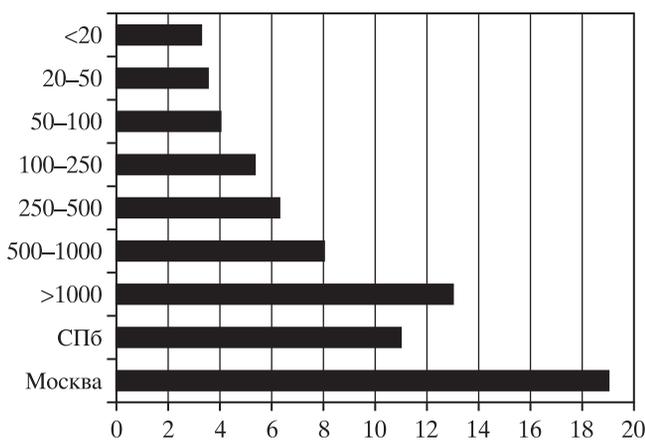
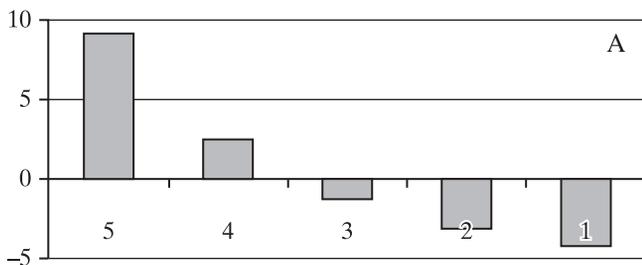

Рис. 4. Оборот розничной торговли и общественного питания на душу населения, отнесенный к региональному прожиточному минимуму в городах с разной численностью населения в 2010 г., раз

ных услуг и миграционной привлекательностью не было. Даже по сильно заниженной официальной доле незанятого населения в городах, размерам его зарплат и бойкости торговли видно, что обеспеченность горожан финансами и услугами падает с уменьшением размера города, а наличие свободного времени нарастает (рис. 3, 4). Инве-

стиции в малые города приходят редко, экономика их дотационна, и перспектив для населения практически нет. Тем не менее, средние и даже малые города вблизи крупнейших центров, например в Московской области, имеют гораздо более высокие оценки, чем удаленные. Уровень жизни и характер занятий в последних приближается к сельскому.

В целом по России соотношение миграционного баланса в 2010 г. со средней оценкой состояния городов показало не очень тесную, но положительную связь, коэффициент корреляции 0.3 (рис. 5А). В 2010 г. после финансового кризиса доля депрессивных городов среди малых городов с отличными и хорошими оценками осталась почти прежней – 13%. Депрессивными остаются 12 больших городов, 46 средних и 500 малых [16], в них проживает 15% городского населения страны.

Выталкивающим фактором может служить и показатель обустройства города, в частности, обеспеченность его жилого фонда канализацией. Для городов России этот показатель служит индикатором не только бытовых условий, но и облика города; отсутствие городского туалета указывает на то, что это старый сельский дом с огородом в городе, порой в его центре. В целом, чем город крупнее, тем лучше выражены его городское обустройство и облик; исключение составляют новые нефтяные и газовые центры на севере и востоке страны, небольшие наукограды и некоторые другие. “Настоящих” городов, обеспеченных канализацией более чем на 90%, в 2010 г. в России было всего 297 (из 1056 городов, по которым были данные), живет в них 61 млн человек из 106 млн городского населения. Рисунок 5Б показывает, что люди не хотят жить в необустроенных городах и поселках.

Изменения привлекательности городов. Согласно теории дифференциальной урбанизации, получившей широкое распространение в последние десятилетия XX в. [29–31], по соотношению

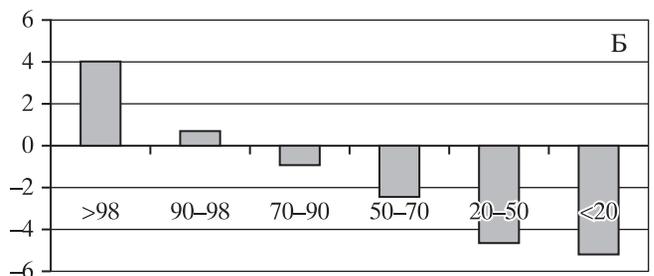
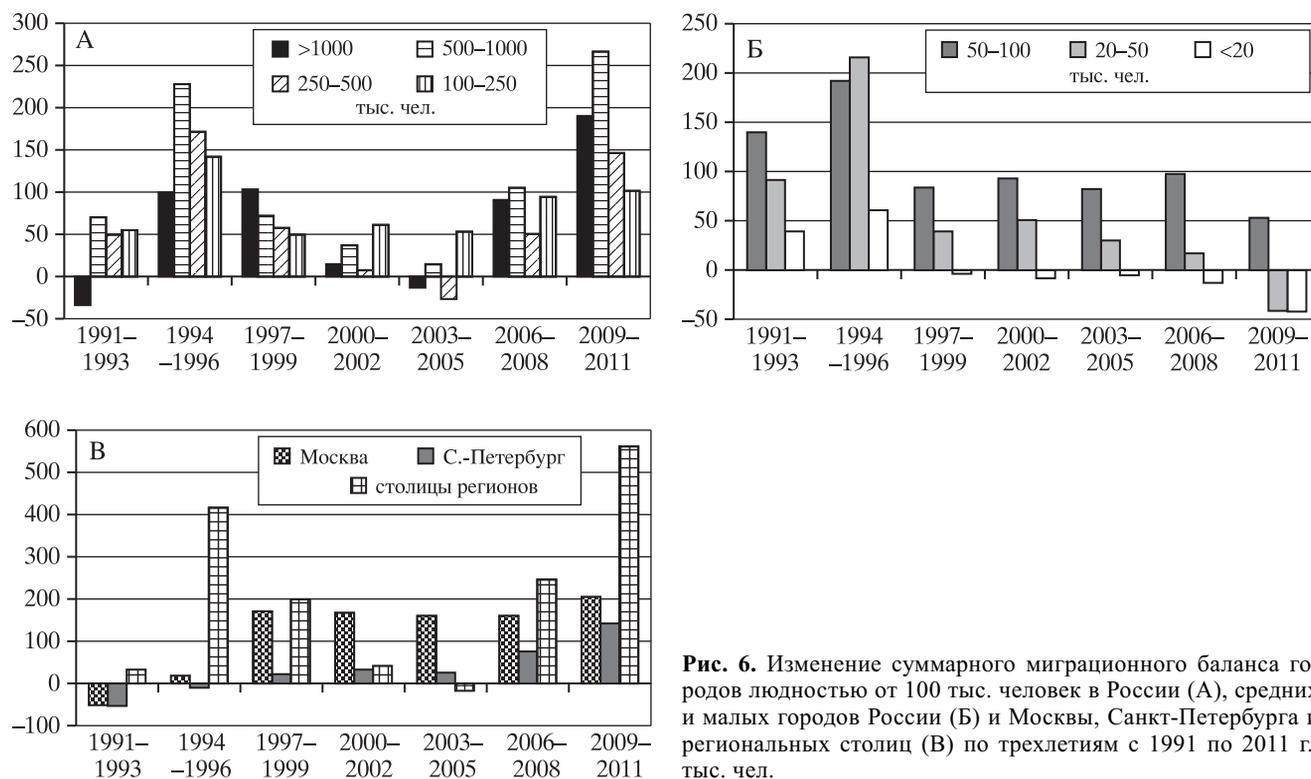

Рис. 5. Миграционный баланс в городах с разными оценками состояния (от 1 (наихудшее) до 5 (наилучшее) баллов) – А и с разным уровнем обустройства жилого фонда канализацией (%) – Б в 2010 г., чел. на 1000 жителей

Рис. 6. Изменение суммарного миграционного баланса городов людностью от 100 тыс. человек в России (А), средних и малых городов России (Б) и Москвы, Санкт-Петербурга и региональных столиц (В) по трехлетиям с 1991 по 2011 г., тыс. чел.

миграционного баланса сельского населения, больших, средних и малых городов Россия перед началом 1990-х гг. находилась на поздних стадиях урбанизации [17], хотя некоторые регионы, например Московская область, явно опережали общие для страны процессы, а другие (национальные республики, некоторые южные регионы) отставали. Процесс концентрации населения России в крупнейших городах не завершен [10, 14]. В российских условиях они обладают гораздо большими возможностями и для заработка, и для самореализации населения, хотя и имеют множество недостатков. Привлекательность крупных городов усиливается экономическим кризисом и коллапсом градообразующих предприятий в большинстве средних и малых городов в результате реформ, современными институтами (в том числе централизацией власти), финансово-бюджетными отношениями, тенденциями к укрупнению социального обслуживания.

Основные этапы изменения миграционной привлекательности городов разного размера и статуса представлены на рис. 6. В 1991 г. после длительного пополнения городов мигрантами из сельской местности главные центры показали отток населения, связанный с политическим и экономическим кризисом, дефицитом продуктов. Однако, по мнению специалистов, он все же был не так велик, а отрицательные значения показателей обусловлены, скорее, недоучетом мигрантов

в крупнейших центрах. С добавлением притока мигрантов из бывших республик СССР в первой половине 1990-х гг. позитивный баланс крупных городов восстановился, хотя привлекательнее всего для приезжих извне были небольшие города, где дешевле жилье. На рубеже веков все более важной становится работа, которую можно было найти в крупных центрах, малые города теряют свою привлекательность. Становится явной зависимость миграционной привлекательности не только крупных, но и малых городов от местоположения по отношению к крупным центрам, наиболее активно теряли население удаленные города и деревни [13, 18]. Исключение составляли лишь центры, в которых обосновались иностранные предприятия или филиалы холдингов, а также некоторые удаленные малые города, которые в силу своего местоположения, в том числе на транспортных магистралях, вынуждены были взять на себя функции альтернативных вторых центров в регионах [2].

Начало 2000-х гг. характеризуется уменьшением официальной подвижности населения. Это связано с истощением потока мигрантов на постоянное место жительства извне и дороговизной приобретения жилья в больших городах для российских жителей. Отчасти уменьшение миграционного потока связано с изменением характера учета мигрантов [13]: с 2000 г. граждан СНГ перестали регистрировать по месту жительства в

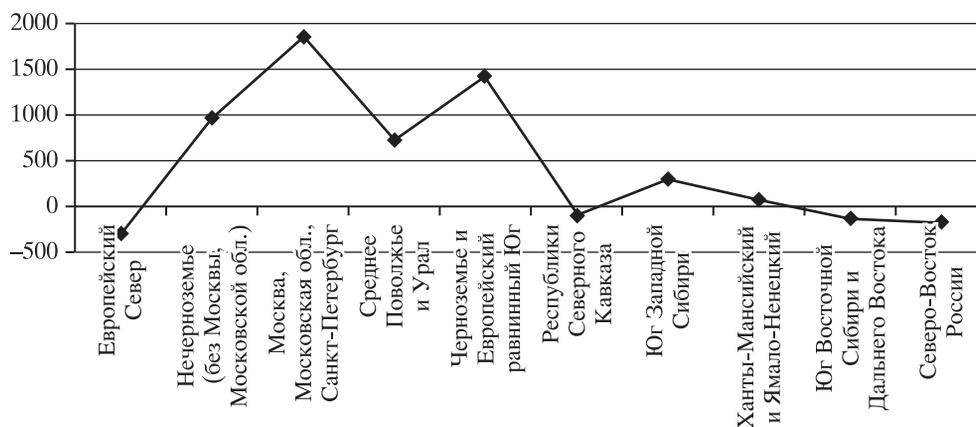

Рис. 7. Суммарный миграционный баланс городов по макрорегионам за 1991–2011 гг., тыс. чел.

том же порядке, как и россиян, и вновь включили в учет миграционных потоков с 2007 г. Однако дело не только в формальных изменениях учета мигрантов. Именно с середины 2000-х гг. миграционный поток на постоянное место жительства частично замещается отходничеством в города на временные работы. Во второй половине 2000-х гг. разросшийся бизнес прописки в городах, некоторое облегчение регистрации мигрантов и адаптация в крупных центрах отходников вновь ведут к увеличению числа переезжающего на постоянное место жительства населения. Вместе с включением в статистику данных о мигрантах, регистрирующихся по месту пребывания на срок 1 год и более (а с 2011 г. – более 9 месяцев), это дало заметный всплеск миграций на постоянное место жительства в больших городах и отток из малых (рис. 6А, Б). В последние годы очевидно усиление роли региональных столиц (рис. 6В).

Изменение городского пространства России.

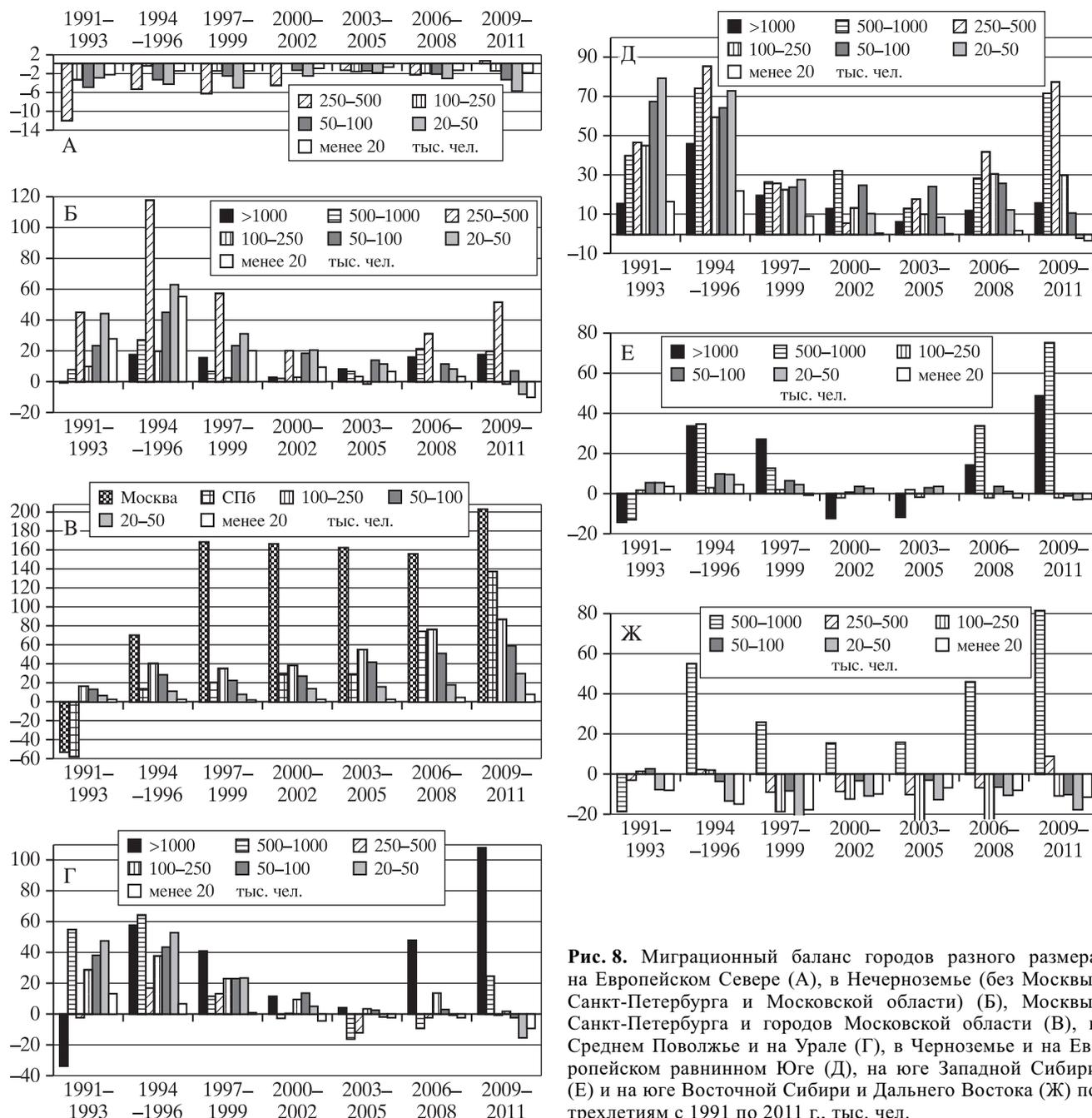
Для того чтобы понять, как менялись в пространстве потоки мигрантов, пришлось отказаться от стандартного деления на федеральные округа и разделить территорию России на десять макрорегионов, принципиально различающихся между собой по миграционным потокам, направленным в города и из городов: 1) Европейский Север (в составе Мурманской, Архангельской областей, Ненецкого АО, республик Карелии и Коми); 2) Нечерноземье (без Москвы, Московской области и Санкт-Петербурга); 3) Москва, Московская область и Санкт-Петербург; 4) Среднее Поволжье и Урал; 5) Черноземье и Европейский равнинный Юг (от Курской, Липецкой, Тамбовской областей до Краснодарского, Ставропольского краев и Нижнего Поволжья); 6) республики Северного Кавказа; 7) юг Западной Сибири; 8) Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий АО; 9) юг Восточной

Сибири и Дальнего Востока; 10) Северо-Восток России.

Важно, что именно те субъекты РФ, где живет $\frac{3}{4}$ городского населения страны (Нечерноземье с Москвой и Санкт-Петербургом, Среднее Поволжье, Урал и Европейский равнинный Юг) в последние 20 лет стали местом притяжения населения в города (рис. 7), несмотря на усиление сырьевой ориентации экономики страны в целом. Таким образом, российское пространство становится все более контрастным в урбанистическом отношении с явными вершинами и впадинами по удаленным окраинам.

На Европейском Севере в 1990-х гг. наиболее пострадавшими оказались столицы регионов и средние города (рис. 8А). В последние годы нарастал отток из малых городов, особенно с населением 20–50 тыс. жителей, в то время как крупные центры показали незначительный прирост. В целом городское пространство деформировалось в сторону увеличения роли стотысячников и малых полусельских городов, выживающих промыслами.

Нечерноземье во многом повторяло общероссийскую картину. Наиболее привлекательными были региональные столицы, хотя временный спад миграционной активности в начале 2000-х гг. на графике виден явно (рис. 8Б). В целом за 20 лет в максимальном выигрыше оказались города с населением 250–500 тыс. жителей. Однако надо учитывать, что для областей, окружающих столичный регион, официальные данные прибавки населения не соответствуют действительности, поскольку значительная часть трудоспособного населения, особенно в малых городах, – отходники, т.е. работает в столицах или рядом с ними и подолгу не живет дома.

Рис. 8. Миграционный баланс городов разного размера на Европейском Севере (А), в Нечерноземье (Б), Москвы, Санкт-Петербурга и Московской области (В), Москвы, Санкт-Петербурга и городов Московской области (В), в Среднем Поволжье и на Урале (Г), в Черноземье и на Европейском равнинном Юге (Д), на юге Западной Сибири (Е) и на юге Восточной Сибири и Дальнего Востока (Ж) по трехлетиям с 1991 по 2011 г., тыс. чел.

Совсем иная ситуация была в столичных субъектах РФ. После сокращения притока населения в самом начале 1990-х гг. Москва с 1997 г. стала максимально привлекательной. Происходило также постепенное наращивание привлекательности Санкт-Петербурга и сотысячных городов Московской области (рис. 8В). Население всей России стягивалось в крупнейшие центры страны. Роль средних городов Московской области также возрастала. Малые города были привлекательны для отходников и работников из соседних стран вследствие более дешевого жилья, однако эту категорию мигрантов статистика не фиксирует.

В целом Московская область по вводу нового жилья с 2004 г. обогнала Москву, заняв первое место в стране. При этом доля покупателей из Москвы составляла около 15%, а из других регионов превышала треть [11].

Процессы в Среднем Поволжье и на Урале в 1990-е гг. отчасти напоминали общероссийские и в Нечерноземье. Однако в 2000-х гг. городское пространство стало меняться в сторону гораздо более резкой поляризации (рис. 8Г). Население все больше привлекают города-миллионеры, в то время как все остальные города (за исключе-

нием 500-тысячников в 2009–2011 гг.) показывали отток либо в центры своих регионов, либо в столицы. Наихудшее положение у городов людностью менее 20 тыс. жителей, усиливающийся отток из которых нивелировал все прибавки 1990-х гг.

Совсем иное, более ровное городское пространство в Черноземье и на равнинном Юге Европейской России. Здесь практически все города привлекали население и только с 2009 г. из малых городов начался отток (рис. 8Д). Однако максимальная прибавка населения характерна для городов от 250 тыс. до 1 млн чел. При этом для северокавказских республик были характерны иные тенденции с оттоком населения даже из столичных городов, хотя эти данные наименее надежны.

Миграционное пространство в Западной и Восточной Сибири очень контрастно. На юге Западной Сибири даже из крупнейших городов в русле общего западного дрейфа миграций в России [6] временами наблюдался отток. Но к концу 1990-х и в 2000-х гг. именно они оставались привлекательными для своего населения и мигрантов из стран СНГ (рис. 8Е). Что касается северных нефтяных округов, показывавших разную динамику, включая рост малых городов, то к концу 2000-х гг. и они пришли к повышенной привлекательности наиболее крупных центров.

В Восточной Сибири и на юге Дальнего Востока только столицы регионов были и остаются привлекательными для населения, для остальных городов характерен постоянный отток населения (рис. 8Ж). Отмечается даже частичная замена прежних установок на выезд молодежи восточных регионов из страны желанием переехать либо в Москву/Санкт-Петербург, либо в столицу своего региона [4]. В результате восточно-сибирские и дальневосточные города в большинстве своем потеряли население, особенно сильно стотысячные и малые. На Северо-Востоке страны население теряли практически все города, а общий миграционный отток за 20 лет достиг 20% численности городского населения этого макрорегиона.

Основные выводы. 1. Миграционные потоки в постсоветский период подтверждают гипотезу о продолжении в России незавершенной в советское время урбанизации. Наиболее мощный поток мигрантов на постоянное место жительства направлен в центральные районы России, особенно в столичные города и их ближайшее окружение. Туда же направлены возвратные трудовые миграции населения разной продолжительности.

2. Новое отходничество в условиях отсутствия достойных заработков и доступного рынка жилья оказалось единственным способом обеспечения необходимого уровня жизни в небольших городах и сельской местности. Попадая в “ловушку бедности” (по определению С. Гуриева [3]), люди не могут позволить себе переезд в более комфортные условия жизни и работы, хотя около половины ищущих работу, по разным оценкам, утверждают, что не хотят переезжать в крупные города.

3. Отходничество – процесс весьма противоречивый. С одной стороны, отток трудоспособного населения усугубляет социально-экономическую ситуацию в депрессивных городах и районах, усиливая поляризацию российского пространства вопреки усилиям властей, составляющим программы переселения. Современную ситуацию осложняет и то, что трудовые миграции в отличие, например, от дореволюционных, происходят во многих регионах России на фоне не избытка, а недостатка трудовых ресурсов в местах выхода мигрантов и наличия там незанятых рабочих мест. С другой стороны, помимо средства выживания огромной массы населения фактически без какой-либо социальной помощи государства, для многих, особенно молодежи, отходничество – это возможности для самореализации, приобретения деловых навыков и перспектива закрепления в городах.

4. Данные официальной статистики о масштабах трудовых миграций российского населения в разрезе субъектов РФ существенно занижают их реальные размеры, что показывает сравнение официальных данных с результатами крупномасштабных исследований феномена отходничества в отдельных регионах. Тем не менее, только опираясь на официальные данные, можно понять относительное межрегиональное распределение въезжающих и выезжающих трудовых мигрантов и сопоставить его с пространственными вариациями миграций других типов.

5. Десять субъектов РФ концентрировали в 2012–2013 гг. 87% всего въезда российских трудовых мигрантов из региона в регион, 65% иностранных работников, а их города привлекли 80% всех мигрантов на постоянное место жительства, в то время как их сельская местность за исключением Московской, Ленинградской областей и Краснодарского края продолжала терять население. Основной поток ориентирован на Москву и Московскую область (60% всех российских трудовых мигрантов). Вопреки устойчивому представлению о Нечерноземье как основном поставщике отходников в Московский столичный регион его доля составляет 43%, причем 32% – из регионов,

примыкающих к Московской области. Столько же дают поволжские регионы и еще 23% – едут с юга, где социально-экономическая ситуация в сравнении с городами и сельской местностью Нечерноземья лучше. Главным фактором служит все-таки наличие человеческого капитала.

6. Ввиду отсутствия адекватной информации о реальных масштабах временных перемещений населения на уровне городов и сельской местности косвенным показателем может служить миграция на постоянное место жительства, поскольку оба эти показателя в значительной степени коррелируют как с объективным состоянием городов и сельской местности, так и с влиянием субъективных, включая когнитивные, факторов привлекательности городов [8]. Тем не менее, любые количественные оценки должны проверяться качественными исследованиями на ключах в разных регионах, разных типах городов и сельской местности.

7. При общем западном дрейфе миграций и концентрации постоянного и временного населения в наиболее плотно населенных, особенно столичных, регионах в последние годы наблюдается рост привлекательности центров своих регионов в Западной, Восточной Сибири и на Дальнем Востоке как для постоянных мигрантов, так и для отходников. При этом, если полярность миграционных потоков в крупные и остальные города была характерна на рубеже веков для сибирских и дальневосточных регионов, то к 2009–2011 гг. она ярко проявилась также на Урале и в Среднем Поволжье. По меткому замечанию Ж.А. Зайончковской, “Восток в России начинается уже с Волги” [6].

8. В крупных городах доля горожан в первом поколении была велика вследствие быстрой урбанизации и в советское время. Рост привлекательности крупнейших центров нарушает иерархический ход миграций. Из-за массового потока мигрантов преимущественно в крупнейшие центры, усиленного отходничеством, не происходит ступенчатого отбора населения: из сельской местности в малые и средние города, из малых в большие и далее в крупные. Это привело к большой доле неадаптированного к жизни в крупных городах населения.

9. В целом потоки мигрантов на постоянное место жительства и трудовые миграции указывают на все большее сжатие освоенного пространства России. Концентрирующийся в крупных городах рынок труда отчасти компенсируется модернизацией городской и сельской экономики за их пределами. Однако и она все в большей степени ограничивается пригородными и южными

районами. Развитие, в отличие от советского периода, становится все более очаговым не только в городах, но и в сельской местности [16]. В российских условиях его тормозят качество человеческого капитала в местах миграционных потерь и инфраструктурная необустроенность малых городов и сел.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Великий П.П.* Неотходничество, или лишние люди современной деревни // Социологические исследования. 2010. № 9. С. 44–49.
2. *Гулько М.С.* Малые города центральной части Европейской России: состояние и роль в организации пространства // Изв. РАН. Сер. геогр. 2014. № 2. С. 43–52.
3. *Гуриев С.* Мифы экономики: заблуждения и стереотипы, которые распространяют СМИ и политики. М.: Юнайтед Пресс, 2010. 296 с.
4. *Данилова З.А.* Миграционные настроения населения Байкальского региона (по материалам социологического исследования // Проблемы прогнозирования. 2010. № 3. С. 115–118.
5. *Денисенко М.Б., Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В.* Миграционный потенциал лиц, ищущих работу, и безработных (по результатам социологического обследования) // Демоскоп Weekly, 2009. № 397–398. <http://demoscope.ru/weekly/2009/0397/analit03.php>
6. *Зайончковская Ж.А.* Федеральные округа на миграционной карте России // Регион: экономика и социология. 2012. № 3. С. 3–18.
7. *Зайончковская Ж.А., Ноздрина Н.Н.* Миграционный опыт населения региональных центров России // Проблемы прогнозирования. 2008. № 4. С. 98–112.
8. *Замятина Н.Ю.* Городская среда как фактор городского развития (сопоставление городов Губкинский и Муравленко, ЯНАО) // Городской альманах / Под общ. ред. Г.Ю. Ветрова. М.: Институт экономики города, 2012. Вып. 5. С. 210–221.
9. *Зубаревич Н.В.* Регионы России. Неравенство, кризис, модернизация. М.: Независимый ин-т соц. политики, 2010. 160 с.
10. *Лейзерович Е.Е.* Ход концентрации населения в центральных частях субъектов РФ после 1990 года // Трансформация российского пространства: социально-экономические и природно-ресурсные факторы (полимасштабный анализ) / Сб. докл. XXV сессии МАРС / Ред. С.С. Артоболевский, Л.М. Синцеров. М.: ИГ РАН, 2008. С. 173–181.
11. *Махрова А.Г., Нефедова Т.Г.* Пространственно-урбанистические структуры в центре России // Модернизационно-инновационные процессы в социально-экономическом развитии регионов и

- городов. Екатеринбург: Изд-во Уральск. гос. экон. ун-та, 2013. С. 281–297.
12. Мкртчян Н.В. Миграционная мобильность в России: оценки и проблемы анализа // SPERO. 2009. № 11. С. 149–164. http://spero.socpol.ru/docs/N11_2009_08.pdf
  13. Мкртчян Н.В. Миграционный баланс российских городов: к вопросу о влиянии размера и положения в системе центрo-периферийных отношений // Науч. тр. ин-та народнохозяйственного прогнозирования РАН / Гл. ред. А.Г. Коровкин. М.: МАКС Пресс, 2011. С. 416–430.
  14. Мкртчян Н.В. Миграция молодежи в региональные центры России в конце XX – начале XXI века // Изв. РАН. Сер. геогр. 2013. № 6. С. 19–30.
  15. Нефедова Т.Г. Поляризация пространства России: ареалы роста и “черные дыры” // Экономическая наука современной России. 2009. № 1(44). С. 62–77.
  16. Нефедова Т.Г. Десять актуальных вопросов о сельской России. Ответы географа. М.: URSS, 2013. 456 с.
  17. Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Теория “дифференциальной урбанизации” и иерархия городов в России на рубеже XXI века // Проблемы урбанизации на рубеже веков / Отв. ред. А.Г. Махрова. Смоленск: Ойкумена, 2002. С. 71–86.
  18. Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Города и сельская местность: состояние и соотношение в пространстве России // Региональные исследования. № 2. 2010. С. 42–57.
  19. Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Россия между двумя столицами // Региональные исследования. 2013. № 4. С. 31–43.
  20. Обследование населения по проблемам занятости. Фед. служба гос. статистики, 2013. http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_30/Main.htm.
  21. Плюснин Ю.М., Заусаева Я.Д., Жидкевич Н.Н., Позаненко А.А. Отходники. М.: Новый хронограф, 2013. 288 с.
  22. Потенциал Ближнего Севера: экономика, экология, сельские поселения. К 15-летию Угорского проекта / Н.Е. Покровский, Т.Г. Нефедова. М.: Логос, 496 с.
  23. Путешествие из Петербурга в Москву: 222 года спустя. Кн. 2: Путешествие из Петербурга в Москву в XXI веке (по итогам экспедиции 2013 года) / Сост. и науч. ред. Т.Г. Нефедова, К.В. Аверкиева. М.: ЛЕНАНД, 2015. 352 с.
  24. Регионы России: Стат. справочник. М.: Федеральная служба гос. статистики, 2013.
  25. Рыбников А.А. Перенаселение и борьба с ним // Морозов М., Юньев И. Хрестоматия “Экономическая география”. Т. II. СССР / Под ред. Баранского Н.Н. М.: Изд-во Комму. ун-та им. Я.М. Свердлова, 1929. С. 60–111.
  26. Труд и занятость. Статистический справочник. М.: Федеральная служба гос. статистики, 2013.
  27. Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2013 года. М.: Федеральная служба гос. статистики, 2013.
  28. Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2014 года. М.: Федеральная служба гос. статистики, 2014.
  29. Geyer H.S., Kontuly T. A theoretical foundation of the concept of differential urbanization // Int. Reg. Sci. Rev. 1993 15 (2). P. 157–177.
  30. Fielding A.J. Migration and urbanization in Western Europe since 1950 // Geogr. Journ. 1989. V. 155. № 1. P. 60–69.
  31. Richardson H.W. Polarization reversal in developing countries // Papers of the Regional Sci. Association. 1980. V. 45. P. 67–85.

REFERENCES

1. Velikii P.P. Redundant people of the modern village. *Sotsiol. Issled.*, 2010, no. 9, pp. 44–49. (In Russ.).
2. Gunko M.S. Small towns of the central part of European Russia: current situation and role in organization of space. *Izv. Ross. Akad. Nauk, Ser. Geogr.*, 2014, no. 2, pp. 43–52, (in Russ.); *Regional Research of Russia*, 2014, vol. 4, no. 4, pp. 231–239.
3. Guriev S. *Mify ekonomiki: zabluzhdeniya i stereotypy, kotorye rasprostranyayut SMI i politiki* (Myths of Economics: Mistakes and Stereotypes Distributed by Mass-Media and Politicians). Moscow: Yunaited Press, 2010. 296 p.
4. Danilova Z.A. The population migration climate in the Baikal region (based on sociological research). *Problemy prognozirovaniya*, 2010, no. 3, pp. 115–118, (in Russ.); *Stud. Russ. Econ. Dev.*, 2010, vol. 21, no. 3, pp. 306–308.
5. Denisenko M.B., Karachurina L.B., and Mkrтчян N.V. Migration potential of job seekers and unemployed according to results of sociological study. *Demoscope Weekly*, 2009, no. 397–398. (In Russ.). <http://demoscope.ru/weekly/2009/0397/analit03.php>
6. Zaiontkhovskaya Zh.A. Federal districts on the migration map of Russia. *Reg.: Ekon. Sotsiol.*, 2012, no. 3, pp. 3–18, (in Russ.); *Regional Research of Russia*, 2013, vol. 3, no. 4, pp. 328–334.
7. Zaiontkhovskaya Zh.A. and Nozdrina N.N. The migration experience of the population of Russian regional centers, based on a sociological survey in 10 cities. *Stud. Russ. Econ. Dev.*, 2008, vol. 19, no. 4, pp. 395–404.
8. Zamyatina N.Yu. Urban environment as a factor of urban development (comparison of the Gubkinskii and Muravlenko towns, the Yamal-Nenets Autonomous Okrug), in *Gorodskoi al'manakh* (Urban Anthology),

- no. 5, Vetrov G.Yu., Ed. Moscow: Inst. Ekon. Goroda, 2012, pp. 210–221. (In Russ.).
9. Zubarevich N.V. *Regiony Rossii. Neravenstvo, krizis, modernizatsiya* (Russian Regions: Disparity, Crisis, and Modernization). Moscow: Nezavisimyi Inst. Sots. Polit., 2010. 160 p.
10. Leizerovich E.E. Progress in population concentration in the central parts of the subjects of Russian Federation after 1990, in *XXV Sessiya Mezhd. akad. reg. razvit. sotrudnichestva "Transformatsiya rossiiskogo prostranstva: sotsial'no-ekonomicheskie i prirodno-resursnye factory (polimasshtabnyi analiz)"*, *Sbornik dokladov* (XXV Session of the International Academy of Regional Development and Collaboration," Book of Reports), Artobolevskiy S.S. and Sintserov L.M., Eds. Moscow: Inst. Geogr., Ross. Akad. Nauk, 2008, pp. 173–181. (In Russ.).
11. Makhrova A.G. and Nefedova T.G. Spatio-urban structures in the center of Russia, in *Modernizatsionno-innovatsionnye protsessy v sotsial'no-ekonomicheskoy razvitiy regionov i gorodov* (Modernization and Innovation Processes in Social-Economic Development of Regions and Cities). Yekaterinburg: Ural. Gos. Ekon. Univ., 2013, pp. 281–297. (In Russ.).
12. Mkrтчyan N.V. Миграционная мобильность в России: оценки и проблемы анализа. *SPERO*, 2009, no. 11, pp. 149–164. (In Russ.). http://spero.socpol.ru/docs/N11_2009_08.pdf
13. Mkrтчyan N.V. Migration balance in Russian cities: to the problem on the influence of size and position in the centre-periphery system of relationships, in *Trudy Instituta narodokhozyaistvennogo prognozirovaniya Rossiiskoi Akademii Nauk* (Proceedings of the Institute of National Economic Forecasting), Korovkin A.G., Ed. Moscow: MAKS Press, 2011, pp. 416–430. (In Russ.).
14. Mkrтчyan N.V. Migration of young people to regional centers of Russia in the end of 20th and the beginning of the 21st centuries. *Izv. Ross. Akad. Nauk, Ser. Geogr.*, 2013, no. 6, pp. 19–30, (in Russ.); *Regional Research of Russia*, 2013, vol. 3, no. 4, pp. 335–347. 15. Nefedova T.G. Polarization of Russian space: areals of growth and "black holes." *Ekon. Nauka Sovrem. Ross.*, 2009, no. 1(44), pp. 62–77. (In Russ.).
16. Nefedova T.G. *Desyat' aktual'nykh voprosov o sel'skoi Rossii. Otvety geografa* (Ten Urgent Problems of Urban Russia: Replies of Geographer). Moscow: URSS Publ., 2013. 456 p.
17. Nefedova T.G. and Treivish A.I. Theory of "differential urbanization" and hierarchy of Russian cities in the turn of 21st century, in *Problemy urbanizatsii na rubezhe vekov* (Problems of Urbanization in the Turn of Centuries), Makhrov A.G., Ed. Smolensk: Oikumena, 2002, pp. 71–86. (In Russ.).
18. Nefedova T.G. and Treivish A.I. Cities and countryside in Russia: their state and correlation. *Reg. Issled.*, 2010, no. 2, pp. 42–57. (In Russ.).
19. Nefedova T.G. and Treivish A.I. Russia between the two capitals: specifics of territorial changes. *Reg. Issled.*, 2013, no. 4, pp. 31–43, (in Russ.); *Regional Research of Russia*, 2014, vol. 4, no. 4, pp. 207–219.
20. Federal Statistical Service, Population employment survey, 2013. (In Russ.). http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_30/Main.htm.
21. Plyusnin Yu.M., Zausaeva Ya.D., Zhidkevich N.N. and Pozanenko A.A. *Otkhodniki* (Waste Dumps). Moscow: Novyi Khronograf Publ., 2013. 288 p.
22. *Potentsial Blizhnego Severa: ekonomika, ekologiya, sel'kie poseleniya. K 15-letiyu Ugorskogo proekta* (Potential of the Close North: Economics, Ecology, and Rural Settlements. To the 15th Anniversary of Ugorskii Project), Pokrovskii N.E. and Nefedova T.G., Eds. Moscow: Logos Publ., 2014. 496 p.
23. *Puteshestvie iz Peterburga v Moskvu: 222 goda spustya. Kniga 2: Puteshestvie iz Peterburga v Moskvu v XXI veke (po itogam ekspeditsii 2013 goda)* (Journey from Petersburg to Moscow: 222 Years Later, Book 2: Journey from Petersburg to Moscow in the 21st Century (According to Results of Expeditions of 2013)), Nefedova T.G. and Averkieva K.V. Eds. Moscow: LENAND Publ., 2015. 352 p.
24. *Regiony Rossii: Statisticheskii spravochnik* (Russian Regions: Statistical Handbook). Moscow: Fed. Sluzhba Gos. Stat., 2013.
25. Rybnikov A.A. Overpopulation and its prevention, in *Ekonomicheskaya geografiya. Tom 2: SSSR* (Economic Geography, Vol. 2: Soviet Union), Baranskii N.N., Ed. Moscow: Kommun. Univ. im. Ya.M. Sverdlova, 1929, pp. 60–111. (In Russ.).
26. *Trud i zanyatost'. Statisticheskii spravochnik* (Labour and Employment: Statistical Handbook). Moscow: Fed. Sluzhba Gos. Stat., 2013.
27. *Chislennost' naseleniya Rossiiskoi Federatsii po munitsipal'nykh obrazovaniyam na 1 yanvarya 2013 goda* (Population Number of Russian Federation within the Municipal Subjects by January 1, 2013). Moscow: Fed. Sluzhba Gos. Stat., 2013.
28. *Chislennost' naseleniya Rossiiskoi Federatsii po munitsipal'nykh obrazovaniyam na 1 yanvarya 2014 goda* (Population Number of Russian Federation within the Municipal Subjects by January 1, 2014). Moscow: Fed. Sluzhba Gos. Stat., 2014.
29. Geyer H.S. and Kontuly T. A theoretical foundation of the concept of differential urbanization. *Int. Reg. Sci. Rev.*, 1993, vol. 15, no. 2, pp. 157–177.
30. Fielding A.J. Migration and urbanization in Western Europe since 1950. *Geogr. J.*, 1989, vol. 155, no. 1, pp. 60–69.
31. Richardson H.W. Polarization reversal in developing countries. *Pap. Reg. Sci. Assoc.*, 1980, vol. 45, pp. 67–85.

Migration Activity of Population and Migrant Workers in Modern Russia

T.G. Nefedova

Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; trene12@yandex.ru

Different migration flows – resettlement to the permanent residence and seasonal labor migrations both of Russian population and foreign workers – are analyzed. Higher level of correlation between the intensity of labour migration of Russian population and their resettlement to the permanent residence, their orientation to the central regions of Russia and the largest cities, as well as the divergence with migrate paths of foreign workers are identified. The analysis of regional labor migration was founded on different statistical sources and at the same time used indirect methods of study of socioeconomic state and migration attractiveness of cities of different size in Russian macroregions from 1991 to 2011. The results of sociological studies of key rural areas also are used. In modern institutional conditions seasonal works as a kind of temporary labor migration with week, month, and more long periods are considered as one of the main way of ensuring the necessary living level outside large agglomerations. This process not only has social consequences for the population, but also enhances the polarization of the Russian space, blocks the development of peripheral areas, small and medium towns. The article is accompanied with maps, charts and tables.

Keywords: recurrent labor mobility, migrational balance, Russian temporary migrant workers (“otkhodniki”), foreign workers, migration for permanent residence, urbanization, socioeconomic state of cities and towns